

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 53
(1958)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Ш. Султанова «Мистика идеологии», опубликованная на сайте газеты «Завтра», 3 марта 2021 г.

Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/mistika_ideologii

Вологда,
март 2021

Мистика идеологии

Как нам выжить и победить

I. Идеология – не некая социально-политическая теория, не сумма научно-политических концепций, гипотез и предположений. Идеология – не текст и не набор какого-то множества текстов, книг, статей, учебников, энциклопедий. Идеология – не форма и не модель особой пропаганды или пропагандистского механизма распространения или дискредитации ценностей, норм, правил. Точнее говоря, всё это может быть некими компонентами идеологии, но в четвёртую или десятую очередь.

Главное: идеология – это сознание данного общества именно как совокупного, целостного социума. В этом случае все остальные партикулярные формы общественного самовосприятия, самоощущения (племенные, клановые, этно-национальные, классовые, корпоративные, партийные, мафиозные и т.д.) подчинены общенациональной идеологии.

Именно такая идеология как сознание целостного общества определяет и воспроизводит базовую модель единства данного социума, главные модели поведения и мышления его членов, основные паттерны согласованного взаимодействия классов, социальных групп и страт друг с другом, важнейшие образцы социальных коммуникаций, обеспечивает выживание и развитие социума в истории, составляет важнейший компонент совокупной системной мощи данного государства.

Формирование и управление идеологией является одной из важнейших функций «глубинного государства» данного общества, одним из наиболее скрытых, секретных аспектов государственного управления, поскольку речь идёт о наиболее значимом, тонком, невидимом, уязвимом центре социума.

В 1991 году у советского государства оставалась мощная армия с ядерным и термоядерным оружием, многочисленные дивизии, стратегические ракеты, десятки тысяч танков, сильные спецслужбы с богатым опытом противодействия внутренним и внешним врагам, всё ещё вторая экономика в мире, КПСС с 18 миллионами членов... Но поскольку консолидирующая идеология в советском обществе куда-то исчезла, испарилась, СССР рухнул за несколько месяцев и его десятки и сотни миллионов жителей, раскрыв рты, с безразличием наблюдали, как быстро превращаются из «великого народа» в толпу.

II. Карл Маркс и Карл Мангейм определяли и обосновывали идеологию, прежде всего, как форму «ложного сознания», которая навязывается господствующим классом всему обществу, как особую манипулятивную технологию государственного управления. И это было совершенно правильно, учитывая тот огромный разрыв, который существовал вплоть до XX века в культурно-информационном потенциале между правящим классом и всем остальным обществом. И, конечно, при навязывании такого «ложного сознания» прибегали, в первую очередь, к прямому классовому насилию. Но это не означало, что большая часть социума воспринималась правящими идеологами как «*tabula rasa*»: всегда в той или иной мере учитывались, принимались в расчёт и религиозные традиции, и мифологические компоненты общественного сознания, и шаблоны исторической памяти и т.д.

Великая революция 1917 года, поставившая во главу угла задачу кардинального повышения исторической субъектности угнетённого большинства всего общества, потребовала принципиально нового подхода и к формированию общественного самосознания. Ленин, Сталин и Богданов в качестве действительно реализуемой стратегической альтернативы выдвинули и реализовали в 20-е и 30-е годы системную концепцию «открытой, саморазвивающейся, революционной идеологии», идеологического сознания как «творчества миллионов». Отказ от этой креативной доктрины привёл сначала к критическому росту государственных ошибок, постепенному нарастанию внутренних противоречий в советском обществе, а в конечном счёте – к краху Советского Союза.

Как сказал бы по этому поводу Амброз Бирс: «Ошибки – один из видов моих поступков, в отличие от ваших, имя которым преступление!»

III. Важнейшая функция любой живой, открытой идеологии – консолидация социума для совместной, согласованной деятельности и мобилизация большинства общества для преодоления периодически возникающих экзистенциальных угроз и рисков.

В XXI веке значимость идеологии как сознания и самосознания социума стала возрастать буквально на глазах. Это связано, прежде всего, с тем, что во второй половине XX столетия начался объективный процесс резкого усложнения практически всех аспектов жизнедеятельности человеческих сообществ. А это в свою очередь вело к нарастанию многоаспектной неопределённости, фрагментации социумов, распаду связей между социумом, социальными группами и индивидами и т.д.

Социально-психологическим ядром любой такой живой идеологии является феномен, который скрыт в понятии «мы» в том или ином соответствующем культурно-историческом обрамлении. Например: «мы – товарищи» в идеологии Ленина-Сталина, «мы – народ» в американской политической традиции, «мы – братья» в арабо-мусульманском контексте.

..Маленький провокационный вопрос: почему в современной России нет такого устойчивого «мы», вплоть до того, что приходится обращаться за помощью к «печенегам» и «половцам»?

IV. Каждая целостная, функционирующая идеология в обязательном порядке включает, как минимум, десять содержательных компонентов:

1) обоснование значения «мы» как главного (основного, существенного) субъекта, как особое общество в истории или на данном историческом отрезке (прямо или косвенно, в противовес всем остальным «не мы»);

2) откуда «мы» пришли (историческая, религиозная или метафизическая неслучайность нашего «мы»);

3) базовый моральный императив, ключевой объединяющий нравственный принцип: что такое «хорошо» и что такое «плохо», что есть «добро» и «зло» для нас, которые «мы»;

4) «мы» и природная среда, «мы» в рамках биоценоза: что мы хотим от биосферы, а с другой стороны, что требует от нас, которые «мы», мать-природа;

5) «мы» и глобальное человечество, «мы» и всеобщая человеческая цивилизация: что мы хотим от мира, международной среды, и что мир ожидает от нас;

6) зачем «мы» здесь: исторический и, желательно, надисторический смысл жизни, актуального существования для нас как «мы»;

7) «мы» и власть: взаимоотношение между обществом и властью;

8) кто для нас как «мы» есть главный внутренний враг;

9) кто для нас как «мы» есть главный внешний враг;

10) завершающий интегративный индикатор в рамках живой идеологии: куда собственно «мы» идём – образ желаемого будущего.

И именно наличие этих десяти компонентов, прежде всего, и отличают идеологию как целостное, консолидированное сознание социума от обыденного, профанического общественного сознания как суммы индивидуальных и групповых сознаний.

Ещё один маленький провокационный вопрос: почему Кремль так и не объявил общенациональную коррупционную систему главным внутренним врагом? Ответ на него не такой простой, как кажется на первый взгляд...

V. Три основных типа идеологий и как бы идеологических моделей функционируют в современном мире:

1. консолидирующая, целостная идеология, рефлексивно и креативно реагирующая на внешние и внутренние вызовы, достаточно эффективно поддерживающая динамический гомеостазис в социуме в течение более или менее продолжительного времени, по крайней мере, до появления принципиально иных экзистенциальных угроз и рисков или кардинального изменения баланса сил в самом социуме или в его внешней среде;

2. ситуативная, среднесрочная квазиидеологическая модель кризисного реагирования как системная пропаганда «консолидации»;

3. квазиидеологическая модель как неэффективная пропаганда, оправдывающая, прежде всего, прямое насилие и соответствующие насильственные технологии правящего класса в данном социуме.

По мере нарастания системной сложности в глобальном человечестве, а, следовательно, и роста тотальной неопределённости, происходит закономерное усложнение всех этих трёх идеологических моделей. Одним из результатов этого процесса становится разрушение традиционных типов государственности, появление всё большего количества «failed states» – несостоявшихся государств.

VI. Главный вызов, обуславливающий объективное усиление значения идеологии во всём мире XXI века – тотальный, всеобъемлющий кризис, вызывающий растущую по экспоненте неуправляемость в функционировании глобальной системы.

Такой глобальный системный кризис включает, как минимум, семь подкомпонентов:

1) экзистенциальный кризис биоценоза;

2) лавинообразное увеличение всех информационных потоков, которыми невозможно управлять;

3) всё более явственно обостряющийся цивилизационный кризис;

4) глобальный кризис рационального мышления, который проявляется, прежде всего, в резком ослаблении ценностно-интерпретирующей функции и в тотальной деградации ответственности всех человеческих субъектов;

5) глобальный моральный кризис, кризис фундаментальных критериев «добра» и «зла», когда возникают такие чудовищные модели человеческого поведения, которые хуже поведения животных;

6) хаотическое нарастание противоречий между социумами различных уровней и властными структурами – кризис политического управления;

7) тотальный кризис личности – потеря критериев индивидуального смысла личностной жизни.

VII. Именно Россия стала наиболее ярким примером нарастающего всеобъемлющего системного кризиса нового типа.

В 1983 году генеральный секретарь ЦК КПСС и бывший глава КГБ Андропов прямо подписался под признанием: «Мы не знаем общество, в котором живём».

За последние почти сорок лет уровень системной сложности в российском социуме, по нашим расчётным моделям, повысился примерно в 12–13 раз. Как минимум. Соответственно, значительно возрос общий уровень хаотической неопределённости, и, прежде всего, уровень риска принимаемых решений, имеющих не только долгосрочный, но и среднесрочный характер.

В отличие, например, от США в сегодняшнем социуме РФ отсутствуют специальные big data центры, целенаправленно и системно интегрирующие сверхбольшие объёмы социальной, этнонациональной, экономической, культурной и т.д. информации, хотя бы наподобие системы DON.

Российский правящий класс не обладает критически необходимым набором имитационных, рефлексивных моделей, позволяющих эффективно использовать эти информационно-логические системы.

Соответственно, в стране нет и достаточного объёма интерпретирующих концепций и теорий, позволяющих работать с такими базами больших данных.

В Российской Федерации, несмотря на непрерывное нарастание системной сложности и неопределённости в социуме, нет даже попыток использования искусственного интеллекта в работе с такими сложными моделями в рамках стратегического прогнозирования, стратегического планирования, разработки и применения долгосрочных рефлексивных стратегий и т.д. Поэтому общефедеральный закон о стратегическом планировании в России, принятый в 2014 году, так и не заработал.

Отсюда ясно, почему в отношении очень многих происходящих драматических процессов в российском социуме ни в Академии наук, ни в Администрации Президента, ни в ФСБ, ни где-либо ещё реальной картины нет.

Сегодня мы гораздо хуже знаем общество, в котором живём! И по многим параметрам это общество неуклонно превращается в кантианскую «вещь в себе».

И идеология, которая требуется для этого неизвестного общества, – архисложная задача!

VIII. Современное российское общество нуждается именно в единственно возможной долгосрочной идеологии консолидирующего и мобилизационного типа – идеологии выживания.

Тем более что в ближайшие двенадцать лет стране придётся столкнуться и пережить, как минимум, три сверхдраматических события:

- экзистенциальный кризис 2022 года,
- экзистенциальный кризис 2024–26 годов,
- мировой кризис 2031–32 годов, когда Россия как «больной человек Евразии» может стать геополитической жертвой для временного смягчения глобальных противоречий.

IX. Есть парадоксальная, но объективная предпосылка для такой общенациональной идеологии выживания. Фактически в современной России в модусе выживания существует в той или иной степени абсолютное большинство населения: начиная от бездомных и кончая олигархами, высшей прослойкой правящего класса и даже многими кремлёвскими сидельцами.

Выживание – исторически удивительно многогранное понятие в России. Десятки миллионов жителей страны недоедают, попросту голодают. Миллионы представителей мелкого бизнеса уже через несколько месяцев могут лишиться своих последних средств существования. Население десятков российских регионов находится в состоянии свободного падения в финансовую пропасть. Российская молодёжь в абсолютном большинстве своём не знает, что с ней будет через несколько лет в условиях действительных экономических перспектив (главная причина демографического кризиса в стране!). Оцепенел в своём бессилии т.н. российский бизнес-класс, столкнувшись с тем, что внутри страны усиливается прессинг коррупционной системы, а вовне растут угрозы отъёма вывезенных капиталов, поскольку доказательства честности их происхождения не столь убедительны и многочисленны.

Для всех этих и других классов, социальных групп и субкультур тема выживания концентрируется в отсутствии надежд на завтра. Чтобы сохранилась страна, выживание должно быть совместным и согласованным. В этом предельная простота будущей общенациональной идеологии выживания.

Ублюдочность российского буржуазного правящего класса (а современная Россия – это классическое империалистическое государство), прежде всего, и проявляется в том, что этот обожравшийся класс ни к чему инновационному, в том числе и идеологическому, в общенациональном смысле не способен.

С этой точки зрения отсутствие в России консолидирующей идеологии выживания вполне закономерное явление.

X. Что необходимо в обязательном порядке для разработки и реализации общенациональной идеологии выживания с учётом существующих объективных ограничений:

- разработка пакета долгосрочных и среднесрочных системных сценариев глобального будущего с оценкой рисков и угроз;
- создание набора конкурирующих моделей, теорий и концепций стратегического планирования;
- харизматический общенациональный лидер или группа таких лидеров;
- новая мобилизационная модель политической системы;
- новый «орден меченосцев» как модель российского «глубинного государства»;
- новая кадровая система;
- целенаправленное втягивание в разработку и реализацию идеологии выживания креативных социальных слоёв и групп российского социума, прежде всего, молодёжи. Как написал в своё время великий русский поэт: «Когда царит пожар, лишь варвар юн и смел. Не прав лишь тот, кто стар!»

Шамиль Султанов